

Перспектива распада НАТО и вызовы для национальной безопасности Турции

Комментарий Центра АРВАК, 16.04.2026

Аннотация

АРВАК анализирует системный кризис Североатлантического альянса и потенциальные последствия его возможного демонтажа для Турецкой Республики. Рассматриваются институциональные и идеологические причины эрозии блока, а также трансформация архитектуры безопасности в Европе, в рамках которой Анкара рискует оказаться в положении «геополитического аутсайдера». Центр исследует дилемму турецкого руководства: утрату ядерного зонтика и доступа к западным технологиям в обмен на призрачные перспективы формирования альтернативных осей на Востоке. Особое внимание уделяется рискам замещения Турции Израилем в обновленной системе американских альянсов.

Ключевые слова: НАТО, США, Турция, Дональд Трамп, Реджеп Тайип Эрдоган, европейская безопасность, неоосманизм, пантюркизм, иранская кампания, суннитский альянс, Израиль.

1. Генезис и институциональная деградация Альянса

Дискурс о выходе США из Североатлантического альянса уже стал фактором глобальной геополитики. Президент Д. Трамп публично вынес в повестку коллективного Запада вопрос о целесообразности сохранения НАТО. Между тем вопрос не нов.

Историческая ретроспектива неудовлетворенности Соединенных Штатов распределением бремени расходов в рамках НАТО демонстрирует, что нынешняя риторика Дональда Трампа не является политической аномалией, а представляет собой кульминацию многолетнего процесса. Еще в 1950-х годах Дуайт Эйзенхауэр предостерегал: если европейские государства не активизируют собственные оборонные инвестиции, Соединенные Штаты столкнутся со стратегической перегрузкой, что подорвет их национальные интересы.

В 1960-х годах эта линия была продолжена при администрациях Джона Кеннеди и Линдона Джонсона, которые открыто выражали недовольство тем, что европейские столицы предпочитают развивать социальные государства под американским военным зонтиком, минимизируя расходы на оборону. Впоследствии, в 1970-е годы, Ричард Никсон официально артикулировал эти претензии в своей знаменитой доктрине, настаивая на том, что союзники обязаны принимать на себя основную ответственность за обеспечение собственной безопасности.

Даже те президенты, которые традиционно считались убежденными атлантистами, не обходили стороной данный вопрос. Джимми Картер, признавая НАТО важнейшим инструментом сдерживания СССР, регулярно критиковал европейские страны за инертность, а Рональд Рейган, несмотря на масштабное укрепление Альянса, жестко требовал от партнеров существенного увеличения военных бюджетов в условиях холодной войны.

В 1990-е годы, когда Билл Клинтон инициировал расширение блока на Восток, в Вашингтоне вновь актуализировались дискуссии о целесообразности расходов США в условиях, когда основной геополитический противник – Советский Союз – прекратил свое существование. Наконец, Барак Обама ввел в политический лексикон термин

«*бесплатные пассажиры*» (“*free riders*”), характеризую союзников, которые пользуются американскими ресурсами, не предлагая адекватного вклада взамен.

Таким образом, на протяжении более чем полувека американская политическая элита последовательно двигалась к осознанию необходимости радикального пересмотра традиционной модели функционирования НАТО. И тем не менее все они избегали признания того, что блок испытывает глубокий политико-идеологический и институциональный кризис. Дональд Трамп решил пойти дальше всех: еще в 2023 г. Конгресс США был вынужден принять закон, запрещающий президенту единолично выводить страну из НАТО без одобрения законодательной власти.

Принято считать, что истоки нынешней ситуации восходят к середине 1990-х годов. Альянс, изначально созданный с целью сдерживания СССР, а впоследствии и стран Варшавского договора, начал активное расширение на Восток в условиях, когда ослабленная ельцинская Россия уже не оспаривала гегемонию Запада, встала на путь демилитаризации и выразила готовность интегрироваться в орбиту американо-европейского центра силы. Следствием продолжения политики демонизации Российской Федерации, ставшей к тому моменту анахронизмом, стали отход Москвы от западного вектора, смена ее курса на постсоветский ревизионизм и процесс ремилитаризации. Точкой отсчета новой конфронтации РФ–Запад стала Мюнхенская конференция по безопасности 2007 г., на которой президент РФ В. Путин объявил о «собственном пути» России, которая более не приемлет стремления натовского лагеря быть «*мировым жандармом*». Новый российский курс привел к фактической деградации механизмов контроля над ядерным и стратегическим вооружением, превратил Восточную Европу в зону повышенной напряженности и стимулировал формирование конфигурации геостратегического альянса Москва–Пекин.

2. Последствия институционального максимализма

Существует мнение, что изменение внешнеполитического курса РФ является прямым следствием максимализма и стереотипного мышления в НАТО, которое утратило гибкость и способность к объективной оценке приоритетности геостратегических задач, требующих решения с опорой на силу или угрозу ее применения. Помимо утраты внешних ориентиров Альянс столкнулся с институциональным кризисом, проявившимся во внутренних разногласиях, центробежных настроениях и игнорировании традиций и практики принятия консенсусных решений относительно участия стран блока в военных действиях и операциях за пределами непосредственной зоны его оборонной ответственности.

Военные операции против Югославии (1999 г.), вторжение в Ирак (1991, 2003 гг.), интервенция в Афганистан (2001–2021 гг.) и бомбардировки Ливии (2011 г.) не получили широкой консолидированной поддержки среди всех членов Альянса и не обладали безупречной правовой легитимностью в рамках Устава организации. Эти действия сформировали репутацию НАТО как агрессивного военно-политического блока, деятельность которого смещена от оборонительных задач к несанкционированному вмешательству в локальные конфликты в различных регионах мира. Кроме того, на репутацию Североатлантического альянса негативно влияют внутренние территориальные противоречия, в частности греко-турецкая конфронтация по кипрской

проблеме и статусу Эгейских островов, что перманентно создает угрозу внутриблокового конфликта и распада организации.

3. Асимметрия обязательств и демарш Д. Трампа

Еще одним источником противоречий и институционального кризиса является уже затронутый вопрос асимметричного распределения обязательств и прав членов организации, несмотря на формальное равенство в рамках блока. США и другим крупным участникам Альянса не импонирует «*потребительство безопасности*» со стороны малых стран, не желающих, в свою очередь, брать на себя симметричную ответственность и готовность к выполнению квотированных норм оборонных затрат, а также других обязательств в рамках Устава организации. В результате подобного дисбаланса ответственности практически 3/4 совокупных оборонных расходов всех 32 стран-членов блока (последними в блок вступили в 2024 г. Финляндия и Швеция) на данный момент приходится на США, которые вынуждены делиться своей военной мощью и оборонительным потенциалом с европейскими союзниками, получая от них минимальную, как считают в Вашингтоне, отдачу.

Дональд Трамп поставил этот тезис во главу угла своего демарша против НАТО, не без основания считая, что замалчиваемая на протяжении многих лет проблема сейчас усиливает его поддержку в американском обществе, испытывающем на себе тяжелые финансово-экономические последствия чрезмерных затрат федерального правительства на вооруженные силы, разбросанные по всему миру и, в частности, в Европе.

4. Политическая преемственность антинаатовского курса

С учетом вышеизложенного ожидания того, что вопрос о радикальном реформировании НАТО или его полном демонтаже будет снят с повестки дня после завершения президентского срока Д. Трампа или его импичмента, представляются сомнительными. Во-первых, в случае сохранения власти в США за республиканцами, заданный нынешним американским лидером курс на девальвацию роли Североатлантического альянса, очевидно, будет продолжен, поскольку подавляющая часть партийной элиты солидарна с Трампом по данному вопросу. Более того, вице-президент Джей Ди Вэнс, являющийся на данный момент наиболее вероятным преемником Трампа в случае сохранения власти республиканцами, также выступает за пересмотр роли НАТО в американской глобальной доктрине сдерживания, хотя и выражает свою позицию по этой теме в менее радикальном и эксцентричном ключе, характерном для действующего президента.

Даже если к власти в Белом доме и в обеих палатах Конгресса придут демократы, рассматривающие НАТО как фундаментальный элемент обеспечения безопасности и доминирования США в мире, это не устраняет необходимости учитывать глубокий кризис в организации, возникший как под влиянием внешних объективных факторов, так и вследствие эндогенных субъективных противоречий внутри оборонительного альянса. Объективная реальность свидетельствует о том, что Д. Трамп не являлся инициатором процесса дезорганизации и деградации НАТО. Он стал фигурой, которая вынесла в публичное пространство дискурс о проблематичности перспектив блока, по крайней мере

в его существующем виде, и обнажила его институциональный кризис, преодоление которого представляется невозможным без кардинального переосмысления задач, целей, механизмов и, в целом, самой философии его существования.

5. Иранская кампания как индикатор жизнеспособности блока

Война против Ирана в 2026 году наглядно продемонстрировала обоснованность позиции Д. Трампа и, очевидно, ознаменовала начало глобального процесса, который завершится либо радикальной реорганизацией Североатлантического альянса, либо его роспуском. В то же время ошибочно сводить дискуссию относительно неопределенности будущих перспектив НАТО исключительно к фигуре действующего президента США. Непубличные обсуждения этой темы активно велись в кулуарах американско-европейской политики и в период президентства Джо Байдена, а их интенсификация особенно усилилась после начала СВО России на Украине.

Вопрос поддержки Киева стал источником серьезных разногласий в Альянсе и взаимных обвинений. Это обусловлено недовольством ряда членов, вызванным спровоцированным Западом конфликтом, а также асимметричностью объемов предоставляемой Украине военной и финансовой помощи и выявленной практикой злоупотреблений со стороны некоторых участников блока, стремящихся к теневому обогащению за счет украинских оборонных заказов. Уже тогда в экспертном сообществе высказывались мнения о том, что украинский конфликт явился испытанием для НАТО, обнажив признаки глубокого кризиса. Именно в тот период начали разрабатываться первые прогнозы относительно будущего системы коллективной европейской безопасности в случае распада Североатлантического альянса. Аналитики представляли различные сценарии, включая создание нового оборонительного союза в рамках ЕС. Также выдвигались предположения о формировании раздробленных малых военных блоков на европейском географическом пространстве: «*Западноевропейский*» – вокруг оси Франция–Германия; «*Восточноевропейский*» – в составе Польши, Румынии, Чехии, стран Прибалтики и других; «*Средиземноморский*» – с участием Франции, Испании, Италии, Греции, Кипра и т. д.

6. Позиция Турции: изоляция в постнататовской архитектуре

Симптоматично, что ни в одном из рассматриваемых сценариев не отводится места Турции – одному из ключевых государств в действующей системе НАТО, обладающему второй по численности после США армией в блоке и являющемуся одной из наиболее мощных в военном отношении держав Европы. Во всех прогнозируемых раскладах Турция фактически рассматривается как инородный элемент, не имеющий перспектив претендовать на участие в новой постнататовской европейской архитектуре безопасности.

Вопрос о мотивах нежелания европейских стран состоять с Анкарой в единой оборонной системе при условии самоотстранения США требует отдельного рассмотрения. Данная проблематика включает в себя как исторически обусловленный опыт европейско-балканского экспансионизма османов и ценностно- цивилизационный антагонизм со Старым Светом, так и актуальные проблемы современной повестки. В

числе последних – средиземноморские и антигреческие амбиции Турции, ее сдержанная позиция по украинскому конфликту, препятствия, чинимые ею процессу вступления Швеции и Финляндии в НАТО, а также достаточно тесное сотрудничество с Российской Федерацией и прочее. Не прибегая к детальному разбору указанных вопросов в данном контексте, следует заключить, что совокупность противоречий европейских столиц с Анкарой является значительной и включает многоплановые элементы. Это практически исключает возможность для Турции рассчитывать на участие в каком-либо формате нового коллективного оборонительного союза в Европе. Страны Старого Света испытывают недоверие к Турции и склонны рассматривать ее как обузу в новой геополитической системе безопасности, что находит отражение в прогнозах европейских аналитиков относительно формирования будущих европейских военных союзов, исключающих участие Анкары.

В самой Турции присутствует четкое осознание данной реальности. Уход США с военно-политической арены Старого Света и вероятный распад НАТО лишат ее опоры и гарантий безопасности на европейском направлении. С другой стороны, общественные настроения в Турции по своей сути противоречат геополитической возможности курса военно-политических элит этой страны на интеграцию в новую европейскую систему безопасности. В свое время, после безуспешных попыток интеграции Турции в ЕС, Реджеп Тайип Эрдоган и его «Партия справедливости и развития» сами приложили максимум усилий для разворота политического вектора страны на Восток и для генерации в обществе радикально-националистической и исламской идеологии, на которой базируются ориентированные на Азию концепции неоосманского ревизионизма и пантюркизма. Кроме того, режим, находящийся у власти в Турции более четверти века, успел демонтировать в политических элитах и в армии влияние кемалистских идей о европейско-западном цивилизационном пути страны, чем фактически «сжег мосты» в контексте перезагрузки отношений с ЕС, включая возможность нового формата военно-политической интеграции.

7. Стратегические риски и поиск «Восточного вектора»

Последствия потенциального распада НАТО для Турецкой Республики, безусловно, представляются более сложными для прогнозирования, чем для любого другого государства–члена Североатлантического альянса. При этом получила достаточно широкое распространение точка зрения, согласно которой ликвидация Альянса предоставит Анкаре возможность для более решительных и агрессивных действий в рамках ее экспансионистских устремлений в регионе Восточного Средиземноморья, на Южном Кавказе, в Сирийской Арабской Республике – и повсеместно, где Соединенные Штаты Америки ранее ограничивали ее чрезмерную активность. Возможно, данное суждение имеет под собой основания; однако, с другой стороны, прекращение существования Альянса лишит Турцию геополитического покровительства наиболее мощного полюса силы в новейшей истории мира и, как следствие, предоставляемого им ядерного сдерживания, доступа к передовым военным технологиям и опыта в сфере развития вооруженных сил и т. д.

Трансформация турецкой армии из относительно отсталых для своего времени вооруженных сил в мощную современную военную структуру стала возможной преимущественно благодаря интеграции республики в Североатлантический альянс с начала 1950-х годов и эффективному использованию всех преимуществ членства в нем. Логический анализ ситуации позволяет утверждать, что турецкая армия в составе блока и турецкая армия вне его коллективной оборонной системы, со всеми вытекающими из этого обстоятельствами, представляют собой две совершенно разные «весовые категории» с различной степенью боеспособности и потенциала. Данное положение является константой, не подлежащей сомнению. Кроме того, в более широком смысле Турция после гипотетического распада НАТО не сможет рассчитывать на сохранение того геополитического веса, который она имеет в настоящее время, являясь членом организации.

В Анкаре осознают: в условиях деградации Североатлантического альянса экспансионистские проекты Турции на Кипре, в Карабахе, Ливии, Сирии, Ираке и в других регионах могут трансформироваться в опасные очаги эскалации. Это способно втянуть страну по всему периметру границ в изнуряющие конфликты, которые она не сможет преодолеть в одностороннем порядке. Учитывая это, становится объяснимой интенсивность переговоров, которые Турция проводит в последние месяцы с Пакистаном и Саудовской Аравией по вопросу создания оборонительного союза между Анкарой, Эр-Риядом и Исламабадом. Очевидно, что Турция вынуждена искать альтернативу Североатлантическому блоку исключительно на Востоке, где предпринимаются активные усилия по формированию некоего аналога «*азиатского НАТО*», обладающего собственным ядерным потенциалом (Пакистан), значительными финансовыми ресурсами (Саудовская Аравия) и перспективной военно-промышленной базой в сочетании со стратегическим географическим положением (Турция).

Сценарий создания «*азиатского*» или, по определению некоторых аналитиков, «*суннитского НАТО*» представляет собой труднореализуемую и сомнительную инициативу, прежде всего из-за недоверия Эр-Рияда к подобной идее. Тем не менее Анкара, стремясь к поиску новых форматов сотрудничества во избежание военно-политической изоляции, вынуждена действовать даже при минимальных шансах на успех. При этом у нее сохраняется надежда на урегулирование кризиса вокруг Североатлантического альянса и обеспечение его дальнейшего существования.

Резюме

Эксперты отмечают, что среди всех членов Альянса именно Турция заняла наиболее осторожную позицию относительно разногласий между США и европейскими союзниками. Кроме того, она демонстрирует крайнюю осмотрительность в иранском вопросе, стремясь избежать вовлечения в ближневосточный конфликт. В Анкаре осознают, что чрезмерная активность Турции на иранском направлении может лишь ускорить процесс деградации НАТО, а также создать предпосылки для формирования на Ближнем Востоке крайне враждебной для нее среды.

По оценкам ряда российских аналитиков, в контексте обсуждений будущего Блока позиция Эрдогана остается невысказанной, что, вероятно, обусловлено уязвимостью страны и опасением лишиться поддержки НАТО. Очевидно, что Анкара демонстрирует

нервозность вследствие утраты контроля над стремительно развивающимися событиями в регионе и сложности их прогнозирования. В подобных условиях различные слухи и версии, включая граничащие с так называемой «*теорией заговора*», начинают приобретать черты объективной реальности, размывая границы между ней и умозрительными конструкциями. Одним из наиболее показательных примеров является заявление экс-главы Национального контртеррористического центра США Джо Кента (уволенного 17.03.2026) о том, что план Вашингтона по выходу из НАТО направлен на создание условий для участия американской армии на стороне Израиля в его будущей войне против Турции. Учитывая прежнее положение и статус Кента, в Турции более не могут игнорировать данные слова, равно как и нарративы, превратившиеся из абсурдных в нормативные, о том, что Североатлантический блок способен сохранить свою жизнеспособность и функции под другим названием, но исключительно при условии, выдвинутом США: замене Турции на Израиль.

Анкаре действительно есть о чем задуматься.